

## УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

### К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

© 2010 г. Р. В. Скоморохов<sup>1</sup>

В настоящее время трудно представить решение научных или практических проблем борьбы с преступностью без использования криминологической классификации. Преступления классифицируют по различным основаниям: по структуре Уголовного кодекса, по мотивации (корыстные, насильственные, корыстно-насильственные), по форме вины (умышленные и неосторожные) и т.д. Наиболее распространенной является группировка преступлений в соответствии с составами, закрепленными в Уголовном кодексе. По этой же системе построена уголовная статистика – ведущая эмпирическая база для отечественной криминологии.

Примечательно, что выбор основания группировки оказывает существенное влияние на результаты исследования: принципиально важное значение приобретает криминологически обоснованная группировка преступлений и лиц, их совершивших. Нельзя забывать, что группировка имеет не формальное, а весьма существенное значение. “Один и тот же материал, – писал В.И. Ленин, – дает диаметрально противоположные выводы при различных приемах группировки”<sup>2</sup>. Лишь на первый взгляд может показаться, что группировка преступлений не особенно сложна, поскольку она предопределена системой построения уголовных кодексов. “В действительности этот вопрос нуждается в серьезном исследовании”<sup>3</sup>. “Криминология должна выработать самостоятельную классификацию, и такие попытки делаются”<sup>4</sup>.

В настоящей статье мы предлагаем взвесить все “за” и “против” состава преступления в основании криминологической классификации.

Для решения поставленной задачи прежде всего необходимо выяснить, что такое классификация?

*Классификация* представляет собой многоступенчатое, разветвленное деление логического объема понятия. Результатом классификации является система соподчиненных понятий: делимое понятие является родом, новые понятия – видами, видами видов (подвидами) и т.д.

Классификацию принято разделять на естественную и искусственную.

В качестве основания *естественной* классификации берутся существенные признаки, из которых вытекают многие производные свойства упорядочиваемых объектов. *Искусственная* классификация использует для упорядочения объектов несущественные их признаки вплоть до ссылки на начальные буквы имен этих объектов. На этом основании строятся алфавитные указатели, именные каталоги в библиотеках и т.п.

Казалось бы, использовать классификацию в криминологии чрезвычайно просто. Следует взять объекты, представленные понятием “преступность”, и разделить их на виды. Например, в соответствии со структурой Уголовного кодекса очень естественной выглядит классификация преступности на преступления против личности, против собственности и т.д.

Но если все так просто, то тогда какие затруднения видят ведущие криминологи в проведении обыкновенной группировки?

По определению В.Н. Кудрявцева, “Всякая классификация не делается произвольно, а имеет определенную цель. Основная цель криминологии – изучение преступности и ее причин. Классификация, которая содержится в Уголовном кодексе, для изучения причин преступности мало что дает, а точнее, вообще ничего, так как *не упоминает об обстоятельствах, факторах, признаках, которые бы относились к причинам преступности*” (курсив мой. – Р.С.)<sup>5</sup>.

С подобным замечанием, только в отношении основания немецкой уголовной социологии, выступал не менее известный правовед Ф. Лист:

<sup>1</sup> Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Восточно-Сибирского филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

<sup>2</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 190.

<sup>3</sup> Вицин С.Е. Моделирование в криминологии. М., 1973. С. 45.

<sup>4</sup> Кудрявцев В.Н. Лекции по криминологии. М., 2005. С. 109.

<sup>5</sup> Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 109.

“Уголовное уложение конструирует свои определения преступлений в зависимости от тех интересов, которые нарушаются или поставляются в опасность деянием. Для уголовной социологии, однако, *важными представляются побуждения к деянию, в особенности те внешние, общественные отношения, которые их определяют*”<sup>6</sup> (курсив мой. – Р.С.).

Из приведенных цитат следует, что в идеале, согласуясь с основной целью криминологии, выбор основания криминологической классификации должен решить важную задачу: в процессе группировки необходимо сохранять единство внешних общественных отношений для преступников.

Поскольку общественных отношений между людьми огромное количество, то возникает вопрос: какое именно общественное отношение из всего их многообразия является основным для побуждения людей к преступному поведению? Ведь именно это общественное отношение должно быть положено в основу криминологической группировки.

Ответ заключен в следующем: “Рассматривая проблему причин преступности на наиболее высоком, общесоциальном или, точнее, философском уровне, можно утверждать, что, хотя в разных социально-экономических формациях, в различных исторических условиях причины преступности не одинаковы, все же их объяснение имеет нечто общее: в основе этих причин всегда лежат объективные социальные противоречия”<sup>7</sup>. “Детерминация преступности при этом связывается с социальной, интеллектуальной и моральной неоднородностью общества, которая ведет к противоречиям и даже антагонизмам в интересах людей”<sup>8</sup>.

Как видно, основным общественным отношением для побуждения людей к преступному поведению признаются социальные противоречия или социальные антагонизмы.

Социальные противоречия и антагонизмы возникают в силу объективного социального неравенства людей: “Не существовало и не существует ни одной постоянной социальной группы, которая была бы “плоской” и в которой все ее члены были бы равными. Общества без расслоения – миф, так

никогда и не ставший реальностью за всю историю человечества. Данное утверждение может показаться отчасти парадоксальным, и все-таки оно верно. Формы и пропорции расслоения могут различаться, но суть его постоянна, если говорить о более или менее постоянных и организованных социальных группах”<sup>9</sup>.

Итак, согласуясь с целью криминологии, основание криминологической классификации в процессе группировки должно сохранять единство внешних социальных противоречий для преступников.

Теперь, определившись, что в основе криминологической группировки должно быть представлено единство внешних социальных противоречий для преступников, важно выяснить: каким образом можно добиться “представленности” этого единства? Чем следует руководствоваться, чтобы не утратить единства внешних социальных противоречий для преступников в процессе группировки?

Оказывается, для решения подобных задач следует обращаться к правилам выбора основания естественной классификации. Именно соблюдение правил естественной классификации дает гарантию сохранения всех существенных свойств классифицируемого объекта. Это значит, что, руководствуясь правилами естественной классификации, мы сумеем представить в криминологической группировке значимое свойство преступности – единство внешних социальных противоречий для преступников.

Что собой представляют эти правила? Это правила логических операций обобщения и деления: “Следует особо подчеркнуть, что классификация (как логический оператор) является корректной тогда и только тогда, когда при ее создании использовались только логическое деление и логическое обобщение...”<sup>10</sup>.

Примечательно и то, что “в рамках классификации операция обобщения всегда сопровождается последующей операцией деления получившегося обобщенного понятия по тому же самому основанию”<sup>11</sup>. Именно по этой причине интересующий нас метод выбора основания классификации представлен прежде всего правилами логической операции обобщения.

<sup>6</sup> Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2004. С. 22.

<sup>7</sup> Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 12.

<sup>8</sup> Криминология и организация предупреждения преступлений. М., 1995. С. 5.

<sup>9</sup> Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Под общ. ред. А.Ю. Согомонова; Пер. с англ. М., 1992. С. 304.

<sup>10</sup> Кузнецов С.В., Титов В.В. Классификация (Системно-морфологический подход).

URL: <http://serendip.narod.ru/order/classif/clas2.htm> (дата обращения 17 марта 2008 г.)

<sup>11</sup> Кузнецов С.В., Титов В.В. Указ. соч.

Операция обобщения применяется как к группе понятий, так и к одному понятию. Обобщение одного понятия может показаться абсурдным, однако оно имеет научную ценность и, как правило, дает интересные результаты.

Кроме того, обобщение одного-единственного понятия или объекта признается непростой задачей. «Из всего необъятного набора свойств заданного объекта надо выбрать одно – то самое, которое и даст возможность найти основание обобщения. Какое из этих свойств является наиболее существенным (а именно этим определяется качество или естественность обобщения) – зависит от ситуации, применительно к которой рассматривается объект. Обычно главное свойство или главная функция объекта просматриваются хорошо, так что проблема признака обобщения решается без особого труда. С другой стороны, каждый из более или менее существенных признаков можно взять за основу для выбора основания обобщения, и такая многовариантность обобщения может оказаться очень полезной, опять же вовлекая в поле зрения варианты или объекты, на которые иным путем просто не выйти»<sup>12</sup>.

Итак, приступая к операции обобщения, следует прежде разобраться, какое именно понятие мы будем обобщать. Поскольку родовым объектом для всех видовых группировок криминологической классификации выступает понятие «преступность», постольку обобщать необходимо свойства, представленные в понятии «преступность».

Оговоримся, что для проведения операции обобщения мы будем использовать общепризнанное и, пожалуй, наиболее цитируемое определение преступности.

«Преступность – это относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени»<sup>13</sup>. Из определения преступности следует, что ее значимыми для обобщения свойствами выступают уголовно-правовая и социально-классовая сущность.

Свойства массовости и исторической изменчивости в процессе выбора основания обобщения не конкурентоспособны. Они представлены неявными определениями, а значит, их сущность проявится после обобщения благодаря многообразию связей с уже имеющимися свойствами объекта, которые представлены явными определениями.

Раскроем содержание интересующих нас свойств.

Уголовно-правовое свойство свидетельствует о необходимости представлять в объекте только такие поведенческие акты, которые формально определены уголовным законом: «Поскольку право диктует исходящие от государства общеобязательные правила, оно есть регулятор поведения людей в обществе. В этом смысле не является исключением и право уголовное»<sup>14</sup>.

Социальное свойство свидетельствует о необходимости представлять в объекте наличие психического взаимодействия, как минимум, между двумя индивидами: «Взаимодействие двух или большего числа индивидов есть родовое понятие социальных явлений; оно может служить моделью последних. Изучая строение этой модели, мы можем познать и строение всех общественных явлений. Разложив взаимодействие на составные части, мы разложим тем самым на части самые сложные социальные явления»<sup>15</sup>.

Классовое свойство свидетельствует о необходимости представлять в объекте группы людей, различающихся способом получения и размерами той доли богатства, которой они располагают. «Общественные классы представляют собой большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»<sup>16</sup>.

Рассмотрев понятие преступности, мы приходим к выводу, что основанием обобщения, позволяющим представить все свойства объекта при группировке, являются преступники как представители общественных классов. Уточним аргумен-

<sup>12</sup> Титов В.В. Системно-морфологический подход в технике, науке, социальной сфере.

URL: <http://www.metodolog.ru/00041/00041.html#2.2> (дата обращения 4 апреля 2008 г.)

<sup>13</sup> Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С.173; Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2006. С. 90.

<sup>14</sup> Уголовное право России. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 2006. С. 11.

<sup>15</sup> Теоретическая социология. Антология / Под общ. ред. С.П. Баньковской. В 2-х ч. Ч. 2 / Пер. с англ., фр., нем., итал. М., 2002. С. 156–157.

<sup>16</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. М., 1972. С. 15.

ты в пользу данного основания. Уголовно-правовое содержание представлено, поскольку понятие “преступники” указывает, что деяния, совершенные ими, запрещены уголовным законом (уголовно-правовое свойство).

Социальное и классовое содержание представлено благодаря тому, что в процессе обобщения сохраняется наличие, как минимум, двух взаимодействующих индивидов (социальное свойство), чье психическое взаимодействие обеспечено единством их места в исторически определенной системе общественного производства (классовое свойство).

Чрезвычайно тонким, но, несомненно, важным является тот факт, что ведущая роль при криминологической группировке должна принадлежать именно преступникам. Дело в том, что группировка обезличенных преступлений не позволит определить социально-классовую принадлежность преступников, их совершивших. Поэтому для проведения криминологической классификации точкой отсчета неизбежно становятся преступники, а вместе с ними группируются и преступления. Немаловажно и то, что все свойства преступности при такой группировке остаются неизменными: “Учитывая единство преступления и лица, его совершившего, преступность следует оценивать как совокупность не только преступлений, но и преступников”<sup>17</sup>. “Наиболее простое и понятное определение преступности сводится кратко к тому, что она есть совокупность преступлений и лиц, их совершивших, в определенных пространственно-временных границах”<sup>18</sup>.

Далее проведем операцию деления преступности на видовые объекты с имеющимся новым основанием: именно выявленное основание обобщения должно стать основанием деления.

Объектом деления является преступность. Общественным отношением, подлежащим сохранению во вновь образующихся видовых объектах, выступают социальные противоречия и антагонизмы.

В качестве основания деления объекта выступают преступники как представители общественных классов. Из этого следует, что в процессе криминологической классификации преступники как представители различных антагонистических классов должны быть отнесены каждый к своему классу. В одной группе должны быть представи-

тели господствующего класса, в другой – представители среднего класса, в третьей – представители пролетариата.

В таком случае перед нами появляется задача еще глубже уточнить основание деления, так как необходимо установить ясные признаки для отнесения индивидов к тому или иному общественному классу.

Для этого вновь вернемся к уже приведенному ранее определению общественных классов. Напомним, что из определения, данного В.И. Лениным, следует, что место класса определяется, во-первых, отношением к средствам производства; во-вторых, ролью в общественной организации труда; и, в-третьих, способом и размером распределения получаемого совокупного продукта общества.

Нетрудно заметить, что, дав определение общественным классам, В.И. Ленин фактически обозначил три взаимосвязанных признака для отнесения индивидов к тому или иному общественному классу: 1) отношение индивидов к средствам производства; 2) роль индивидов в общественной организации труда; 3) способ и размеры распределения получаемого совокупного продукта общества между индивидами.

Первый признак позволяет различать классовую принадлежность индивидов, учитывая их отношение к средствам производства. Как известно, основные средства производства представляют собой землю, производственные здания, сооружения, машины, оборудование, приборы, инструменты, т. е. физический капитал. Объем основных средств исчисляется в денежном выражении в виде их стоимости. В силу этого основные средства характеризуют иногда как денежные средства, вложенные в основные средства производства. Из изложенного следует, что классовые различия индивидов по их экономическому положению в обществе можно определить, если установить различия в стоимости средств производства, находящихся в их собственности, и различия в количестве денежных средств, вложенных индивидами в основные средства производства. Поэтому назовем первый признак для группировки индивидов экономическим.

Второй признак позволяет различать классовую принадлежность индивидов по их роли в общественной организации труда. Общественная организация труда связана с привлечением людей к труду, соединением рабочей силы со средствами производства, разделением труда и кооперацией труда в обществе, распределением результатов

<sup>17</sup> Криминология / Под ред. Г.А. Аванесова. М., 2005. С. 181.

<sup>18</sup> Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 53.

труда между членами общества и обеспечением воспроизводства рабочей силы.

Таким образом, различая индивидов как представителей разных профессий, мы фактически дифференцируем их по роли в общественной организации труда. Отсюда, назовем второй признак для группировки индивидов профессиональным.

Третий признак позволяет различать индивидов по их отношению к распределению получаемого совокупного продукта общества и по размерам отчуждаемого продукта. Отношение к распределению получаемого совокупного дохода общества напрямую зависит от наличия у того или иного индивида установленных властных полномочий. Это значит, что, различая индивидов по их месту во властной иерархии (учитывая характер, глубину их доступа к распределению и размерам получаемого совокупного дохода), мы успешно представим содержание рассматриваемого признака. Соответственно, назовем третий признак для группировки индивидов политическим.

Таким образом, мы имеем три признака (оператора деления), которые могут быть использованы для отнесения индивидов к тому или иному общественному классу:

1. Экономический признак (стоимость средств производства, находящихся в собственности индивидов и количество их денежных средств, вложенных в основные средства производства).

2. Профессиональный признак (разделение труда и распределение результатов труда между индивидами).

3. Политический признак (отношение индивидов к распределению получаемого совокупного продукта общества в связи с их местом во властной иерархии).

Сегодня представители марксизма и неомарксизма для отнесения индивидов к тому или иному общественному классу используют преимущественно профессиональный признак.

В настоящей статье для отнесения преступников к тому или иному общественному классу мы также будем ориентироваться на профессиональный признак, однако наш выбор не исключает использования двух других признаков в качестве основных операторов деления.

Итак, следуя взглядам марксистов и неомарксистов, классовую дифференциацию индивидов в капиталистическом обществе по профессиональному признаку можно представить следующим образом.

*Господствующий класс* включает индивидов, занимающихся следующими видами профессиональной деятельности: владельцы трестов; владельцы корпораций; владельцы банков; руководители национализированных и смешанных монополий; менеджеры капиталистических монополий; аппарат президента и правительства; лидеры общественных фондов, профсоюзов, политических партий, депутаты; генералитет; идеологи господствующего класса (академики РАН, директора крупных НИИ, руководство СМИ).

*Средний класс* включает индивидов, занимающихся следующими видами профессиональной деятельности: торговцы; ремесленники; часть крестьянства и фермерства; лица “свободных профессий”; служащие; иные мелкие собственники.

И наконец, *пролетариат* включает в себя индивидов, занимающихся следующими видами профессиональной деятельности: рабочие; часть крестьянства и фермерства, резервная армия труда<sup>19</sup>.

После проведения группировки преступников следует определить круг совершенных ими деяний. Преступления, попавшие в поле нашего зрения при такой группировке, будут разнородны с позиции уголовного права. Вместе с тем, они будут максимально представительны с позиций анализа преступности как явления антагонистического общества.

Таким образом, после операции деления в видовом объекте будут представлены преступники как представители одного из общественных классов, а также совершенные ими преступления.

Внешние общественные отношения, обусловившие преступные побуждения и поведение преступников, в видовом объекте представлены и обеспечены влиянием единых внешних условий, уникальных только для них как представителей одного и того же общественного класса.

Итак, оптимальным, на наш взгляд, основанием деления объекта “преступность” выступают преступники как представители общественных классов. Благодаря такому основанию в группировке представлены все существенные атрибуты преступности. Вспомогательными признаками основания классификации выступают экономический, профессиональный и политический признаки преступников.

<sup>19</sup> См.: Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология. В 3-х т. Т. 2 “Социальные структуры и стратификация”. М., 2000; Краткий словарь по научному коммунизму / Сост. В.Т. Калтачян. М., 1989. С. 140–141.

Зачем нужны вспомогательные признаки? Вспомогательные признаки позволяют не только отнести тех или иных индивидов к различным общественным классам, но и провести деление внутри каждого из общественных классов. Такое деление позволит исследовать преступность не только как межклассовое антагонистическое явление, но и с позиций внутриклассовых антагонизмов между различными экономическими, профессиональными или между политическими группами.

Теперь вернемся к началу статьи и вспомним о том, что сегодня традиционным основанием криминалогической классификации выступают элементы состава преступления. Но почему? Неужели это досадное недоразумение? Ведь элементы состава преступления, используемые в основании криминалогической классификации, не позволяют сохранять единство внешних общественных отношений для преступников – принадлежность к одному из общественных классов.

На наш взгляд, выглядит вполне очевидным положение, при котором один и тот же охраняемый уголовным законом объект может нарушить и крестьянин, и владелец магазина, и депутат. Это значит, что в процессе формирования совокупности преступлений вокруг объекта преступного посягательства и крестьянин, и владелец магазина, и депутат, совершившие однородное преступление, будут определены в одну группу, разрушая признак их социально-классового различия.

Подобным образом обстоят дела и с формированием совокупности преступлений вокруг иных элементов состава преступления. Каждый из элементов состава преступления в основании криминалогической классификации будет направлять в одну группу представителей различных общественных классов, невзирая на их социально-классовую дифференциацию.

Ныне в рамках отечественной криминологии трудно представить классификацию, при которой сначала будут группироваться преступники как представители одного из антагонистических классов, а затем (по остаточному принципу) преступления, ими совершенные. Трудно потому, что преступления, группируемые следом за группировкой преступников (представителей одного из общественных классов), с точки зрения уголовного права будут весьма разнородными, хотя такой порядок классификации известен и применяется за рубежом<sup>20</sup>.

<sup>20</sup> См.: Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шелли; пер. с англ. СПб., 2003. С. 183.

На первый взгляд получается, что советские правоведы сначала включили признак классовости в понятие “преступность”, а затем сами же проигнорировали его в процессе разработки основания криминалогической классификации. Такое противоречие выглядит более чем странным и нуждается в пояснении.

Для снятия противоречия следует обратить внимание на то, что придание той или иной значимости свойствам обобщаемого объекта зависит от ситуации, применительно к которой рассматривается объект: “Перечень атрибутов любого объекта всегда ограничен со стороны наиболее значимых (или существенных) и ничем не ограничен со стороны менее значимых атрибутов. Конец этого перечня *всегда определяется ситуацией, внешней по отношению к классифицируемому объекту* (курсив мой. – Р.С.), т. е. зависит от целей классификации. А если вспомнить о том, что классификация предназначена для широкого круга пользователей, а классифицируемые объекты могут реально встречаться в самом разном окружении, то становится понятным, что задача обобщения одного-единственного объекта, во-первых, не проста, а во-вторых, неоднозначна. Неоднозначна прежде всего потому, что при разных вариантах обобщения последующее логическое деление получившегося обобщенного понятия (а оно при классификации совершенно обязательно, причем по тому же основанию) даст совершенно различные наборы членов деления”<sup>21</sup>.

В таком случае, чтобы понять логику советских правоведов, следует обратиться к конкретной исторической ситуации и перенестись мысленно назад, в прошлое, в то время, когда возрождалась отечественная криминология.

Итак, вернувшись в 60-е годы XX в., мы попадаем под влияние мировоззренческой установки, разделявшейся большинством советских людей. Ее суть заключалась в следующем: социально-классовая структура социалистического общества, основанного на общественной собственности на основные средства производства, в отличие от классовой структуры буржуазного общества характеризуется отсутствием эксплуатации и ведет к изменению природы трудящихся классов<sup>22</sup>.

Признание отсутствия эксплуатации и изменения природы трудящихся классов с позиций исследования преступности в СССР буквально означало следующее. “В процессе развития со-

<sup>21</sup> Кузнецов С.В., Титов В.В. Указ. соч.

<sup>22</sup> Краткий словарь по научному коммунизму / Сост. В.Т. Калтахян. С. 367.

циалистического общества подрываются основные социальные корни преступности. Однако еще сохраняются некоторые причины и условия, способствующие совершению преступлений. Они не связаны с самой природой социализма, а вызваны конкретной исторической обстановкой..."<sup>23</sup>.

“В СССР навсегда были ликвидированы враждебные антагонистические классы, не стало самого многочисленного класса – мелкой буржуазии, деклассированных элементов, покончено с безработицей и детской беспризорностью... *Преступность, исключая особо опасную государственную, перестала носить черты классовой борьбы* (курсив мой. – Р.С.), ибо внутри страны были полностью ликвидированы эксплуататорские, антагонистические классы”<sup>24</sup>.

Из этого теоретического положения следует важный вывод. Если в обществе практически нет классовых антагонизмов, то группировка преступников по их принадлежности к тому или иному общественному классу представляется малопригодной для исследования преступности в СССР, ведь отсутствует практическая значимость изучать преступников как представителей антагонистических классов, когда основные причины преступности советского общества не заключены в классовых антагонизмах. Тогда основные причины преступности коренятся в чем-то другом.

Вместе с тем, согласно господствующей мировоззренческой установке ничто из внешних общественных отношений, кроме классовых антагонизмов, не могло быть признано определяющим для существования преступности.

Полагалось, что идеальный для людей экономический базис советского общества определяет и оптимальное состояние надстройки: “Социализм, построенный в нашей стране, устранил эту, названную В.И. Лениным главную, коренную социальную причину преступности. В СССР, таким образом, имеются реальные, объективные условия для искоренения преступности, поскольку в самой природе социализма, в его экономическом базисе и в его надстройке нет оснований для существования преступности”<sup>25</sup>.

Социально-классовое содержание (обеспечение психического взаимодействия между преступниками их отношением к одному из общественных классов) становится в условиях общества,

лишенного классовых антагонизмов, нефункциональным.

В то же время напомним, что основной вопрос при выборе основания классификации состоит в том, какое именно общественное отношение из всего их многообразия является главным для побуждения людей к преступному поведению.

В таком случае следует уточнить, какое же общественное отношение было признано определяющим для побуждения советских людей к преступному деянию. Ведь именно на его сохранение была ориентирована группировка, проводимая советскими криминологами.

“В отличие от эксплуататорского общества преступность не присуща социалистическому строю. Она существует лишь постольку, поскольку при социализме – этой переходной от капитализма к коммунизму фазе – сохраняются остатки досоциалистического прошлого...”<sup>26</sup>.

Таким образом, главным общественным отношением для существования преступности признавались пережитки буржуазного общества, которые все еще сохранились во всем многообразии советских общественных отношений. Из этого следует важный вывод: перед советской криминологией стояла задача группировать преступников таким образом, чтобы все они находились под влиянием схожих пережитков буржуазного общества. Для этого самым подходящим был признан уголовно-правовой атрибут преступности, т. е. определенность правил поведения людей, закрепленная в уголовном законе: “Так как советские законы в общенном виде отражают, характеризуют явления реальной общественной жизни, то в этом нельзя не видеть гарантии того, что они имеют объективную научную значимость. Поэтому, раскрывая юридические признаки состава преступления, необходимо одновременно выявлять и их материальное содержание. Таким образом, представляется целесообразным собирать и обобщать материалы конкретно социологического исследования применительно к элементам состава преступления, выявляя характеризующие их признаки”<sup>27</sup>.

Как видно, уголовно-правовой атрибут в условиях советского общества взял на себя функциональную роль социального и классового атрибутов – обеспечивать схожесть внешних общественных отношений между преступниками.

Что это давало тогда?

<sup>23</sup> Советская криминология / Отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. М., 1968. С. 54.

<sup>24</sup> Кузнецова Н.Ф. Избр. труды. СПб., 2003. С. 672.

<sup>25</sup> Герцензон А.А. Введение в советскую криминологию. М., 1965. С. 6–7.

<sup>26</sup> Советская криминология / Отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. С. 62, 71.

<sup>27</sup> Герцензон А.А. Указ. соч. С. 33–34.

Во-первых, советское общество практически лишено классовых антагонизмов. Во-вторых, преступления совершаются под решающим влиянием буржуазных пережитков. В-третьих, советские законы в обобщенном виде отражают явления реальной общественной жизни. В-четвертых – основная цель советской криминологии – выявлять и уничтожать пережитки буржуазного общества (основные причины и условия преступности), которые еще сохранились.

Именно при таких внешних условиях перед А.А. Герцензоном, разрабатывавшим метод советской криминологии, стоял вопрос: что может стать идеальным признаком для идентификации пережитков буржуазного прошлого во всем многообразии советских общественных отношений.

Ответ очевиден: факты совершения преступлений. Именно совершение деяний, отраженных в уголовном законе, красноречиво свидетельствовали о том, что люди, их совершившие, находились под влиянием пережитков буржуазного прошлого.

Таким образом, сгруппировав преступления, а вместе с ними и преступников вокруг того или иного элемента состава преступления, советские правоведы получали своеобразное коллективное единство преступников, которое обеспечивалось тем, что все они испытывали на себе влияние схожих пережитков досоциалистического прошлого.

Особо подчеркнем, что общая теория советской криминологии никогда не отказывалась от положения, что классовая дифференциация общества и присущие ей межклассовые и внутриклассовые антагонизмы являются основной причиной преступности. Благодаря известным криминологам М.Н. Гернету, Я.И. Гилинскому, И.И. Карпецу, В.Н. Кудрявцеву, Н.Ф. Кузнецовой, Л.И. Спиридонову, А.М. Яковлеву и многим другим увидели свет и имеют практическую направленность многие работы, определяющие преступность как явление классового антагонистического общества<sup>28</sup>.

Однако прикладные исследования преступности как явления классового антагонистического общества в СССР были очень специфичны. Причина тому – элементы состава преступления в основании криминологической классификации. Традиционно в советской криминологии группировка преступников происходила по остаточному

принципу, вместе с группировкой преступлений вокруг того или иного элемента состава преступления. Определенно, при такой группировке разрушалась принадлежность преступников к одному из общественных классов, что в большинстве случаев не позволяло исследовать преступное поведение как проявление борьбы представителей одного антагонистического класса с представителями других антагонистических классов.

Повторимся, что состав преступления в основании криминологической классификации в условиях социалистического общества, где антагонизмов почти нет, а противоречия между людьми характеризуются в основном пережитками буржуазного прошлого, более чем обоснован. Он также позволял сгруппировать преступников по социально-классовому признаку, но своеобразно. Элементы состава преступления в основании классификации ориентировали кримиологов на сохранение во внешних общественных отношениях единства пережитков буржуазного прошлого для преступников. Преступники при такой группировке не являлись представителями различных антагонистических классов, а представляли собой своеобразное коллективное единство, в основе которого были пережитки буржуазного прошлого.

Однако для исследования преступности в условиях капиталистического общества, когда антагонистические противоречия заложены в самой системе общественных отношений и не отрицаются, состав преступления в основании криминологической классификации представляется малоприменимым. Ведь элементы состава преступления не позволяют сгруппировать преступников как представителей одного из антагонистических классов, а значит, фактически не позволяют изучать преступное поведение как следствие межклассовой или внутриклассовой борьбы в условиях капитализма.

Таким образом, с одной стороны, в отечественной криминологии имеется крепкий общетеоретический фундамент о том, что преступность – это прежде всего следствие социально-классовых противоречий. С другой, – традиционным основанием российской криминологической классификации по-прежнему выступают элементы состава преступления, которые разрушают социально-классовую дифференциацию преступников, так необходимую для исследования преступности в капиталистическом обществе.

В заключение отметим, что с нашими выводами легко не согласиться. Для этого достаточно отри-

<sup>28</sup> См.: Гернет М.Н. Избр. произведения. М., 1974. С. 306–310; Спиридонов Л.И. Социология уголовного права. М., 1986. С. 11–14; Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. С. 672–673; Яковлев А.М. Введение в курс криминологии. М., 1983. С. 33–43 и др.



цать одно из свойств преступности, которые мы использовали в процессе операции обобщения.

Напротив, если придерживаться мнения, что основная причина преступности как социально-правового явления заключена во внутриклассовых и межклассовых антагонизмах, и, вместе с тем, разделять позицию, что в капиталистической России общественные отношения характеризуются антагонистическими противоречиями, то тогда при криминологической группировке целесообразно исходить из следующих положений.

Во-первых, исходя из задач криминологии, основание криминологической классификации

должно сохранять единство внешних общественных отношений, обусловивших побуждения людей к преступному поведению.

Во-вторых, в условиях капиталистических отношений оптимальным основанием криминологической классификации, отвечающим задачам криминологии, выступают преступники как представители общественных классов.

В-третьих, для группировки преступников как представителей общественных классов целесообразно использовать экономический, профессиональный и политический признаки.